

ЧУЖОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ

Роман Леонида Зорина в «Знамени»

Татьяна Кравченко

ПОЯВЛЕНИЕ романа «Трезвенник» («Знамя», № 2) вполне можно было предугадать после выхода в 1999-м «Зеленых тетрадей» — книги дневниковых записей, заметок, наблюдений, которые Леонид Зорин вел с 50-х годов. Издатели окрестили ее «уникальной биографией мысли», сопоставляя с вышедшим ранее зоринским мемуарным романом «Авансцена». Однако «уникальная биография мысли» — произведение все-таки документальное, несмотря на продуманную композицию, стихотворные записи и интерлюдии, то есть скорее материал, чем итог. То же, что мрамор — для скульптора: он, конечно, ценен сам по себе, но все же Давидом без микеланджеловской обработки не станет.

Каждый персонаж, каждая сюжетная коллизия в «Трезвеннике» — нечто вроде художественной иллюстрации, «обработки» заметок из «Зеленых тетрадей». Кроме того (а может быть, поэтому), в «Трезвеннике» можно отыскать вариации на темы всех предыдущих зоринских пьес, романов и рассказов. Но, хотя повествование ведется от первого лица, хотя Зорин отдает главному герою некоторые моменты собственной биографии (к примеру, увлечение шахматами и женщинами), он слишком подчеркнуто держит дистанцию между собой (автором) и сотворенным им Давидом, то есть преуспевающим адвокатом Вадимом Беланом.

Белан живет по расчету, не делая ни одного необдуманного шага ни в карьере, ни в дружбе, ни в любви. В любви особенно. Все предыдущие зоринские персонажи — будь то Рудаков из «Палубы», Багров из «Транзита», Денис из «Странника», даже Виктор из знаменитой «Варшавской мелодии» — отнюдь не монахи и в верности одной-единственной упрека не заслужили. Однако эта единственная у них все-таки имелась, хотя жизнь с ней решительно не сводила. Возникли объективные обстоятельства: закон 1949 года, запрещающий браки с иностранцами, жена, несомненно невозможно оставить, несоответствия в творческом поиске... Да мало ли! Но чистое и светлое чувство все равно озаряло нездешним светом судьбу героя. На роль «женщины всей жизни» в «Трезвеннике» претендует Рена, сестра друга героя. Претендует, но не исполняет. Любви на этот раз мешают не объективные обстоятельства, а упорное нежелание героя это чувство развивать. Поэтому и Рена в романе едва прописана: тень, фантом, призрак, вечно шепчущий молитвы и радеющий за экзюнизм.

Вообще в «Трезвеннике» отношения с женщинами текстуально уделено очень много места, Вадим любвеобилен, как Костик из «Покровских ворот», но то, что для Костика — радость, веселая игра, для Вадима — нудная и скучная повинность. И никакой эротики, несмотря на бесконечные соития, в

Леонид Зорин.

романе нет и в помине. Запись в «Зеленых тетрадях»: «Эротического эффекта достигает намек, а не откровенность, не нагота, а мгновенная встреча с кусочком приоткрывшейся плоти. Все прочее — дело воображения». Милые женщины в «Трезвеннике» воображению не оставляют никаких шансов, они — не полнокровные образы, а некие функции, что, кажется, не противоречит авторскому замыслу. Зорину важно показать типаж. Восторженная диссидентка — шестидесятилетняя Арина — в самый патетический любовно-постельный момент радующая возлюбленного репликами типа: «Ты знаешь ли, что когда звонит колокол, то это он звонит по тебе?», журналистка Зоя Веская, феминистка Мария Плющ — дамы из серии self-made-woman, и все они иллюстрируют наблюдение из «Зеленых тетрадей»: «Мужское тщеславие рядом с женским не более чем скифский курган, поставленный рядом с Эверестом». Типичная «дочь большого начальника» Нина, связь с которой обеспечивает герою свободу от КГБ. Женщина-функция — красавица Ярмила, жена чешского писателя-коммуниста: Белан навставляет ее мужу рога летом 1968 года в знак протеста против введения советских танков в Чехословакию.

Запись в «Зеленых тетрадях»: «В юности мечтаешь о женщине, как о

путешествии на Огненную Землю. Его не связываешь с туризмом». Вадим Белан — смолоду старик. Турист по убеждению.

Те же убеждения не позволяют Вадиму втягиваться всерьез и в дружеские отношения. Он слишком хорошо (трезво) видит слабости и недостатки своих приятелей, потому что соблюдает дистанцию. Порывы и жертвы должны поверяться разумом. Приятели собираются пойти к гонимому властями деятелю, чтобы выразить сочувствие, и зовут Вадима с собой — Вадим интересуется, получили ли они приглашение. Нет? «То есть вы идете в гости без приглашения неведомо с кем. И, главное, заранее убеждены, что порадуете хозяина?» Поступок, общественным сознанием почитавшийся доблестным и героическим, сразу выглядит глупо и бессмысленно. Впрочем, так выглядят почти все окружающие в глазах главного героя. И не без оснований.

Леонид Зорин ломает сложившийся все в том же общественном сознании стереотип. Мы привыкли, что типичный шестидесятник — это, скажем, Сергей из «Заставы Ильича» Марлена Хуциева или аксеновские мальчишки из «Звездного билета» — порывы и вдохновенность, честность и прямота. Это в молодости. А в старости... Ну что с ними произошло в старости, всем изве-

стно. Позолота осыпалась, романтические фигуры превратились в гротескные: на экранах телевизоров слишком часто мелькают одуловатые лица бывших кумиров, когда-то читавших стихи в Политехническом, а теперь привычно исполняющих роли свадебных генералов на официальных тусовках. Приятели Белана, Богушевич и Випер, следуя порыву, отправившиеся незваными в гости — типичные шестидесятники. Потом один из них эмигрировал, преуспел на Западе (повторяя судьбу Синявского и Максимова) и вернулся (как выяснилось, зря: здесь он никому не нужен). Другой же остался и всю жизнь посвятил суетливой борьбе, мучимый завистью и неудовлетворенным тщеславием. Две дороги, по которым разбежались «звездные мальчишки», и обе привели в тупик.

«Шестидесятники» — этим словом, «смутным, неясным, неопределенным», пишет Леонид Зорин в «Зеленых тетрадях», поместили «не то поколение, не то разношерстную среду, возникшую в оттепельном дурмане, словом, которое побывало надеждой, протестом и одной из иллюзий».

Главный герой Вадим Белан — шестидесятник лишь по рождению, по духу же он куда ближе внукам шестидесятников, рациональному поколению «пофигистов». Впрочем, скорее это типаж вне времени. К нему вполне можно отнести лермонтовское «и ненави́дим мы, и любим мы случайно, ничем не жертвуя ни злобе, ни любви». О «вневременности» говорит и то, что у Белана в романе есть старший двойник, учитель, мастер шахматной игры Мельхиоров — нечто вроде Мефистофеля при Фаусте. (Кстати, замечательная фамилия Мельхиоров, чувствуется опыт Зорина-драматурга, так и просится в пьесу.) Одно «непохожего» еще можно считать исключением, но два — уже правило. И к двум отчасти примыкает третий — сам Леонид Зорин. Несмотря на сознательное авторское дистанцирование от персонажа, часть записей в «Зеленых тетрадях» вполне могла быть сделана тем же Беланом или Мельхиоровым. И если вспомнить все предыдущее творчество Зорина, его талантливые и успешные пьесы, его романы и рассказы, вплоть до последнего цикла, в течение нескольких лет публиковавшегося в «Новом мире», то можно заметить, что все высокие чувства, все порывы у героев в конце концов оказываются задавленными рацией. И автор в тех случаях, когда он пишет о современности, а не на исторические темы, слишком рационален и трезв и не позволяет себе увлечься собственными персонажами. Он создает не людей — типажи, этим защищаясь от времени, в котором приходится жить. И, пожалуй, в финале «Трезвенника» вопреки обыкновению дистанция между автором и персонажем сокращается до минимума. «Теперь он (век — Т.К.) отбрасывает копыта. Но или он многих еще достанет. Не век, а какая-то скотобойня. Попробуй увернись от него», — кому принадлежит реплика: Вадиму Белану или самому Зорину?

Трудно всю жизнь увораживать. Может быть, поэтому «Трезвенник» и получился очень грустным романом, где слишком много ума холодных наблюдений без сердца горестных замет.